

IMAGES OF “THEIR” AND “STRANGERS” IN TOPONYMY AND TOPONYMIC LEGENDS OF THE DON COSSACKS¹

Marina A. Ryblova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The studies carried out to date on the settlements of the Don Cossacks and the toponymic system associated with them can and should be continued, since they open up prospects for further identifying the images of those with whom the Cossacks waged incessant wars, conquering and protecting the Russian and Don lands. They make it possible to trace the evolution of the development of the images of “us” and “others”, as well as to identify the socio-cultural image of the Cossacks themselves, reflected in the characteristics of the “others.” *Methods and Materials.* To solve these problems, field materials were used, collected by the ethnographic expedition of the Volgograd State University, the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in 1983–2011, as well as the author’s personal trips to places of compact residence of the Don Cossacks on the territory of the Volgograd region, and newspapers materials of the second half of the 19th century. *Analysis.* The analysis showed that the system of toponyms and toponymic folk legends reflected the historical realities associated with the constant military confrontation between the Cossacks and nomadic peoples living in the neighborhood, as well as the respectful attitude of the Cossacks to their enemies. A significant number of toponyms associated with the Tatar and Circassian population, not erased over time in the memory of the Cossacks, but preserved and overgrown with new legends, testifies to how different cultural traditions coexisted peacefully in Diko Pole, despite the extreme nature of life in the zone of constant war. Along with the historical background of the life of the Cossacks, reflected in the toponyms, the mythology of the antithesis “ours and others” is studied, reflecting the Cossack version of social history and eschatology. *Results.* Analysis of the legends about the ancient inhabitants of the Don land showed that they appear as mythological creatures associated with the other world, secrets, treasures and dungeons, and in the context of folk eschatology they appear as ancestors – those who “left, but promised to return.” Over time, the images of alien ancestors are replaced in the Don legends by the images of Cossack chieftains, who are also guardians of treasures and must return “in the end times” to restore social justice in the world. Along with the change in the socio-cultural model of the Cossacks, the image of “aliens” was also transformed from the perception of neighbors-enemies as such to “nonresident” living in Cossack settlements, but not associated with the Cossack military service. At all stages of the history of the Cossacks, the antithesis “we–they” reflected in toponyms and legends, was associated with the military status of the Cossacks and contributed to the search and the strengthening of the group’s own identity.

Key words: toponymy, toponymic legends of the Don Cossacks, Don Cossacks, images of “their” and “strangers”.

Citation. Ryblova M.A. Images of “Their” and “Strangers” in Toponymy and Toponymic Legends of the Don Cossacks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 57-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.5>

**ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ТОПОНИМИИ
И ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ¹****Марина Александровна Рыблова**Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявляются характеристики образов «своих» и «чужих» в традиции донских казаков, отраженные в топонимии и топонимических преданиях. Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, целый пласт топонимов свидетельствует о том, что жизнь казаков в ранний период истории была сопряжена с постоянным военным противостоянием с соседями-неприятелями, а с другой стороны, значительное количество топонимов, связанных с татарским и черкесским наследием, свидетельствует о том, что в Диком поле уживались и взаимодействовали разные культурные традиции, несмотря на экстремальность здесь – в зоне постоянной войны. Наряду с историческим фоном жизни казаков в Диком Поле, отраженном в топонимах, исследовалась также и мифология антитезы «свои – чужие», воспроизводящая народную версию социальной истории, а также поиск первооснователей «своей земли». Анализ преданий о древних обитателях Дона показал, что «чужие» предстают как существа мифологические, связанные с «иномирьем», кладами и подземельями, и выступают в образе предков – ушедших, но обещавших вернуться на эти земли. Со временем образы предков-чужих (связанных с другими народами) заменяются в донских топонимических преданиях образами первопредков в лице казачьих атаманов. В сословный период истории донских казаков (XVIII–XIX вв.) образ «чужих» вновь трансформировался – ими были уже не соседи-неприятели, а «иногородние», проживавшие в казачьих поселениях, но не входившие в казачье сословие – и это обстоятельство также нашло отражение в топонимических преданиях, антитеза «мы – они» работала на поиск и закрепление группой собственной идентичности, связанной с воинским статусом казаков. Показателен в связи с этим отраженный в топонимических преданиях комплиментарный характер взаимоотношений казаков с воинственными неприятелями и непримиримо-враждебный – с соседями-крестьянами (иногородними), не связанными с воинской службой.

Ключевые слова: топонимика, топонимические предания донского казачества, донские казаки, образы «своих» и «чужих».

Цитирование. Рыблова М. А. Образы «своих» и «чужих» в топонимии и топонимических преданиях донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.5>

Введение. Образы «своих» и «чужих» широко используются в современной этнологии, культурологии и социологии для решения многих проблем, например, для определения характера взаимодействия и форм коммуникаций между представителями разных культур и этносов, для выявления специфических культурных черт каждой из сторон оппозиции; исследуются также возможности этих образов для формирования культурной и этнической идентичности отдельных социальных и этнических групп.

Для ранней истории донских казаков характерна крайне ограниченная база источников, которая могла бы помочь составить представления об их культурной и этнической спе-

цифике и групповой идентичности. В связи с этим могут представлять особый интерес топонимия и топонимические предания, которые, сформировавшись в отдаленные времена, нередко сохранялись в народной памяти вплоть до конца XX века. Именно для казаков извечная антитеза «мы – они» была очень ярко проявлена на всех этапах их истории в силу обитания на границах государств, народов и культур. Не случаен и набор терминов, используемый ими для обозначения «чужих» и «не своих»: «враги», «недрузи», «неприятели», «соседственные неприятели», «иногородние» и пр.

К анализу этой проблемы уже обращались ученые, работающие в разных сферах гуманитарного знания. Так, М.А. Карпун иссле-

довала представления казаков о «других» путем анализа донских диалектных фитонимов [9], Б.Н. Проценко – фольклорных текстов [22]. С.В. Черницын на широком круге источников представил понятие «свои чужаки» в традиции донских казаков, имея в виду под первыми горцев, которые инкорпорировались в казачьи сообщества вплоть до середины XIX века [33].

Однако осуществленные к настоящему времени исследования могут быть продолжены, так как открывают перспективы для дальнейшего определения характера взаимоотношений казаков со своими соседями, выявления эволюции развития образов «чужих», а также определения некоторых черт культуры самих казаков, безусловно, отражающихся, как в зеркале, в характеристиках «своих» и «чужих» и работающих на формирование их социальной и этнической идентичности.

Методы и материалы. Для решения этих задач были использованы полевые материалы, собранные этнографическими экспедициями Волгоградского государственного университета, Южного научного центра РАН в 1983–2011 гг. и лично автором статьи в местах компактного проживания донских казаков на территории Волгоградской области, а также материалы газетной периодики второй половины XIX века. В качестве источников в работе использовались выявленные автором топонимы, а также топонимические, исторические и социально-утопические предания, с помощью которых осуществлялась историко-культурная реконструкция созданных в казачьей традиции образов «своих» и «чужих», а затем выявлялась их историческая эволюция. На следующем этапе исследования определялась взаимосвязь этой системы с групповой самоидентификацией донских казаков в разные периоды их истории.

Анализ. «Свои» и «чужие» в топонимии и исторических реалиях. Дикое Поле, на территории которого в эпоху позднего Средневековья происходило формирование донского казачества, долгое время было местом непрекращающейся войны, а потому контакты с воинственными соседями отличались как интенсивностью, так и экстремальностью. Е. Кательников так характеризовал «соседственных неприятелей» донцов, от которых ис-

ходила постоянная военная угроза последним: «с низу Дона – турки, жившие в Азове и Таганроге; с правой стороны Дона – крымские татары; с левой стороны Дона – ногайские татары и черкесы, против которых почти в каждое лето по *опасной* (предварительной) грамоте были поголовные походы на Тузлов, под Азов и Таганрог до покорения их...» [10, с. 46]. В исторических источниках часто упоминаются набеги на городки донских казаков в XVII в. азовских и кубанских татар, черкесов [11, с. 57, 95, 152].

Исторические реалии нашли отражение также и в донской топонимии, и в топонимических преданиях. Так, обширный пласт топонимов отражает память именно об этих тревожных событиях времен противостояния казаков и кочевников: Осадное озеро, урочища Осада, Маяк, Дуванная поляна, озеро Караульное, Становой курган (от казачьего «стан»), Требушной буерак (по преданию, здесь «неприятель много наших повыврезал – навалили требух»), Рубежный буерак, урочище Ратное, Погромное, Запертовский ерик, Кардон, Завал, ст-ца Остроуховская («сиди в засаде и ухо остро держи»), хут. Хованский (по преданию, от слова – «ховаться» – прятаться, то есть сидеть в засаде), хутор Шакин (в первооснове – Шайкин, с преданием об обитании в этих местах разбойничьей шайки) и др.

Об урочище Маяк, расположенном в юрте ст-цы Тишанской и представлявшем собой крутую гору, старожилы рассказывали донскому краеведу И. Сулину, что она служила старому городку сторожевым пунктом для наблюдения за неприятелем [30, с. 561]. В юрте ст-цы Правоторовской И. Сулин также перечислял урочища, связанные с военным бытом казаков. Об озере Караульном он писал, что там некогда стоял дуб, с которого высматривали татар и караулили вход в Старый городок, Служивская гора была местом последнего расставания с родными казаков при проезде их на службу. Урочище Шанц получило свое название потому, что здесь, как говорит предание, имелись оборонительные сооружения на случай набега татар. Родительская гора была в старину местом, где казаки хоронили умерших [28, с. 620]. О ст-це Кременской народное предание рассказывало сле-

дующее: «...Более 200 лет тому назад... князь Хованский, плывя по Дону с шайкою татар или корсаков, хотел покорить жителей этой станицы, называемой Черно-Островскою. Напал на них, но все его приступы были отбиты. Тогда он оставил нападение и прозвал станицу Кремень, так как она крепка и трудно взять ее. С тех пор она и называется Кременскою» [27, с. 194]. В данном случае мы имеем дело с народной этимологией, но именно она значима для определения характера топонима самими носителями традиции.

Значительное количество донских топонимов связано с событиями казацко-крестьянских войн под предводительством С. Разина и К. Булавина. Они отражают ситуацию, когда чужими стали бывшие свои. О станице Бурацкой рассказывали, что здесь первоначально разбили стан солдаты, прибывшие для усмирения булавинцев. Они устроили карцер, или *бурák* – вырытую в земле камеру [16, с. 32]. Сохранилась легенда о том, что «домовитые» казаки во время восстания бежали из своих станиц, опасаясь народного гнева, и пристали к карательной армии, за что чиновники прозвали их «добрыми» казаками. После подавления восстания они не решились вернуться на прежние места и основали новую станицу, названную Добринской [13, с. 73–78]. По одной из народных версий, станица Катовская / Котовская получила свое название от того, что после подавления булавинского восстания В. Долгорукий поселил всех палачей (*кátов*) в одном месте на Хопре. Их станицу стали называть Катовской, а потом переименовали в Котовскую.

В топонимии и топонимических преданиях нашли отражение и взаимоотношения с «соседственными неприятелями», окружавшими казаков с самого начала их истории. Так, в источниках XIX в. и в наших полевых материалах 1980–1990-х гг. встречаются предания о существовавших по соседству с казачьими городками татарских поселений. И. Сулин записал предание об основании ст-цы Скуришенской совместно казаками и татарами: «Первыми ее основателями были граждане Зотовской станицы Феодор и Иван Шабровы и некоторые из жителей Кумылженской станицы; они присоединились к татарину Искурату, жившему с семейством на острове между р. Мед-

ведицей и протоком от оной Скурихою. Сделали здесь “зимовье”. Сын же Ивана Шаброва Никифор собрал охотников и основал постоянное селение, получившее потом свое название от р. Скурихи. А речка Скуриха получила наименование от первого при ней жителя татарина Искурата, и уже впоследствии название это было испорчено: вместо Искурата – Скуриха» [29, с. 340].

О ст-це Глазуновской И. Сулин писал, что в двух верстах от нее, в Мечетном буераке, находятся признаки бывшей татарской мечети, от которой буерак и получил свое название. Второе татарское городище находилось в 35 верстах от станицы [29, с. 338–340]. Во время этнографического обследования этой станицы экспедицией Волгоградского государственного университета в 1987 г. информанты рассказали, что считают ее название производным от имени татарского князя Алзуна, основавшего их поселение.

В юрту ст-цы Тишанской были буерак Мечетный и озеро Мечетное. Эти топонимы, в свою очередь, связаны с татарским городищем, которое называлось Кира (мечеть), а городок имел название Киров городок. И. Сулин записал предание, согласно которому «пришедшие сюда из Руси казаки – основатели Тишанской станицы – застали это татарское селение довольно многолюдным и некоторое время жили в соседстве с ним» [30, с. 562]. О ст-це Арчадинской сохранилось предание, согласно которому раньше здесь жили татары, которые нападали на жителей старого городка и уводили их в плен с пашни. Поэтому казаки уезжали с полевых работ до заката солнца [25, с. 378].

Нередко соседствовавшие с казачьими городками поселения нижеволжских татар мало чем от них отличались. В юрте ст-цы Луганской в конце XIX в. были обследованы остатки двух городищ, расположенных на расстоянии 30 верст друг от друга. Первое называлось Татарским городком, так как было основано татарами; второе (казачье поселение) – Старым городком. Интересно, что укрепления обоих поселений практически ничем, кроме размеров, не отличались [18].

Со временем, по мере все большего «обрусения» казаков, изменялись и версии происхождения татарских топонимов. Так, Б. Ла-

шили записал в 1960-х гг. такое предание о возникновении названий станиц Арчединской, Кепинской, Скуришенской и Глазуновской: «В далеком прошлом река Медведица служила границей, куда во время своих летних кочевий со стадами скота и табунами лошадей заходили татары... Пришли сюда татарские князья Арчак, Кепка, Скуриха и Глазун. Разбили тут свои станы и крепко осели. От них не стало никому из русских людей ни проезда, ни прохода... Их разбил Ермак Тимофеевич. Дорога стала свободной, Ермак заложил здесь четыре казачьих городка, назвав их именами татарских князей, каких побил он в честном бою с казаками» [13, с. 126–127]. Как видно, в этом предании акцент уже делается не на совместном проживании русских с татарами, а на их противостоянии; в качестве основателя станиц признаются не татарские князья, а легендарный казачий атаман Ермак. Важно в этих преданиях и то обстоятельство, что Ермак дал новым поселениям имена поверженных врагов. В других фольклорных текстах (легендах и преданиях) Ермак предстает, по сути, культурных героем и основателем донского казачества.

В донской топонимии нашли отражение и сложные взаимоотношения казаков и горских народов, которые также селились в непосредственной близости от первых и совершали набеги на их городки. Чаще всего в связи с горцами-черкесами встречается общее название Черкесский городок (в ст-це Баклановской – Черкесский бугор) [26, с. 762]. Записи преданий о живших когда-то на Дону черкесах также удалось обнаружить на страницах донской периодики. География этих преданий такова: ст-цы Перекопская, Тепикинская, Бурацкая, Вешенская, Баклановская, Раздорская, Добринская, Усть-Хоперская, Урюпинская. В народных преданиях речь идет об остатках древних черкесских городищ, находках «кавказской» посуды и оружия, оборонных сооружениях, оставшихся от черкесов [32], а также сооружений, устроенных казаками для охраны «от нападения черкес» [12, с. 40].

В этнографических экспедициях в 1980-х гг. мне также приходилось записывать рассказы жителей казачьих станиц и хуторов о черкесах, живших когда-то по соседству с казаками. Всего в экспедициях удалось запи-

сать 8 устных рассказов, свидетельствующих о том, что когда-то («в древние времена») черкесы обитали на прихоперских землях (хутора Заольховский, Борисы, Поповка Кумылженского р-на Волгоградской области, ст-цы Усть-Бузулукская Алексеевского р-на и Добринская Урюпинского района Волгоградской области). В 2008 г. в ст-це Усть-Бузулукской я записала рассказ о черкесах, которые жили в горе, расположенной напротив казачьего городка: «их жилище – пещеры, вырытые в горе». Хранительница школьного музея в ст-це Усть-Бузулукской Л.А. Васильева рассказывала: «В юрте станицы Усть-Бузулукской был хутор Черкесский. Потом его стали называть Шарашка, потом он стал заброшенным. А потом приехали чеченцы и стали селиться именно на этом месте – тут, говорят, еще раньше наши жили. В самой же ст-це Усть-Бузулукской есть кладбище православное, а за ним дальше располагалось кладбище черкесское» [21]. Здесь же буквально до наших дней сохранялся рассказ о том, что однажды черкесы напали на станицу и угнали в плен несколько женщин. Через какое-то время казаки совершили ответный набег и вернули женщин домой, однако одна из казачек отказалась возвращаться, мотивируя свой отказ тем, что ей пришлось по сердцу новый муж-черкес. Показательно, что именно эта казачка (а не кровожадные черкесы) фигурировала в этой легенде в качестве главного персонажа.

В целом общей особенностью фольклорно-топонимических источников, связанных с неказачьим населением Дона, является отсутствие в них негативных оценок казаками «чужих», на что обратила внимание на материалах донской лексики Е.В. Брысина [3, с. 49]. Для древней воинской традиции (в отличие от земледельческой крестьянской), действительно, характерно уважительное отношение к противнику (вне зависимости от степени его жестокости и коварства), восприятие его не только как врага, но и как «соседственного неприятеля», с которым и меряются силой, и учатся у него, перенимая его воинское умение и опыт. Такие взаимоотношения обуславливали и постоянно идущий на казачьих территориях процесс взаимопроникновения культурных традиций «своих» и «чужих»

(ср.: множество заимствований из опыта ведения войны казаками от кочевников, тюркские традиции в материальной культуре донских казаков). Освоение казаками территории Дикого поля и адаптация к новому окружению происходили в ситуации разомкнутости, открытости и готовности к культурным контактам складывающегося казачьего социума, представлявшего собой в ранний период истории мужское военизированное сообщество.

Мифология «чужих». Исследователи образов «чужих» и своих» отмечали исключительное значение «чужих» в межкультурных коммуникациях. При этом они указывали и на то, что до настоящего времени не сформулировано научное определение этого понятия. Во всех вариантах употребления оно понимается на обыденном уровне, то есть путем выделения и описания наиболее характерных признаков и свойств этого термина, таких как: чуждость, нездешность, иностранность; расположение за границами родной культуры; странность и необычность образа, контрастирующего с обычным и привычным окружением; незнакомость и недоступность для познания; сверхъестественность, всемогущество, перед которым человек бессилён [6].

Целый пласт донских народных преданий, связанных с «чужим» населением (предшествовавшим появлению казаков в Диком поле), подтверждает и отчасти расширяет эти характеристики, показывая, что «чужие» нередко предстают как существа мифологические, связанные с «иномирьем», тайнами, кладами и подземельями. Так, многие донские предания определяют татар в качестве первопоселенцев и хранителей кладов, упоминая, например, золотого коня Батья или Мамаю [31, с. 314], то есть связывают с нижним миром, тем светом. Казаки называли предшественников-татар *мамáями*, *черным наро́дом*, *махомáтами* [17, л. 2]. Жителями вырытых в горах пещер называют предания и черкесов. В более позднее время обитателями пещер и хранителями кладов в донских легендах будут выступать разбойники, а также казачьи атаманы, также представляющие, по сути, в роли «первопредков». Во время экспедиций во многих казачьих поселениях мне приходилось слышать и записывать рассказы о подземных

ходах, пещерах и золотых кладах, которые располагаются буквально под ногами, но не всякому даются. Обычно эти клады были связаны либо с татарами, либо с легендарными казачьими атаманами – Ермаком и Степаном Разиным. Так, согласно преданию, в лесу, расположенном в юрте ст-цы Раздорской (и получившем позднее название Ермаков лес), Ермак устраивал стан и закопал там свои золотые доспехи [4, с. 363]. Таким образом, казачьи атаманы, согласно народным легендам, стали преемниками более раннего населения (татар), унаследовавшими от них статус хранителей кладов, связанных, в свою очередь, с темой общей (групповой) доли-судьбы [23].

Отражение представлений о «чужих» (предшественниках, предках), как о жителях землянок и пещер и хранителях кладов (то есть связанных с иномирьем, преисподней), можно найти и в общерусском материале, например, в северных преданиях о «чуди» – древнем нерусском населении, жившем в землянках и ушедшем вместе с кладами под землю после прихода на эти земли русских. Эти представления широко отражены в записях современных фольклористов: «У нас тут чужь была, ее разгромили новгородцы, у ней укрепления были, и богатства там были, так они столбы подрубили – и богатства в землю ушли, и сами они»; «жили первобытные люди, и в это озеро они спустили золотую столешницу, а сами потом уехали неизвестно куда» [2, с. 4]. То же находим в легендах о марийцах: «За деревней там гора тако <...>. Вот эта гора нехорошая там, говорят, клад был запрятан, чели? Это все они, марийцы, сделали» [7, с. 35].

В контексте мифологии «чужих» особый интерес представляет легенда о Черкесском урочище, записанная краеведом В.А. Апраксиным. В легенде речь идет о встрече в Грузии казака из хут. Лутковского со столетним черкесом. Старец поведал казаку о Черкесском урочище, расположенном в юрте хутора. По его словам, там некогда жили черкесы: «С полуночной стороны на этом бугре рос огромный дуб в три обхвата. От этого дуба на растяжку человека с руками должна была сохраниться впадина – это забитый нами подземный ход. В нем мы спрятали золотые слитки, завернутые в лошадиную шкуру, и золотого

коня в натуральную величину – у нас он считается божеством и почитается. При Петре I нас потеснили с тех мест, вот почему нам пришлось все это прятать. Надеялись вернуться, но это нам не удалось. И все наши ценности остались» [1].

Интересно, что в записанных мною рассказах современных жителей ст-цы Усть-Бузулукской о располагавшемся когда-то неподалеку Черкесском городке также звучит мотив возвращения черкесов: «У нас сейчас тут понаехали с Кавказа, черкесы. И говорят нам: “Наши тут раньше жили, и мы все сюда вернемся”» [21].

Выскажу предположение, что в легенде, записанной В.А. Апраксиным и в своеобразно переложенной ее версии современными жителями станицы по отношению к мигрантам, лежат древние (по сути – мифологические) представления о враге, который был когда-то побежден, изгнан, обрел статус «предка» и обещал вернуться к своим богатствам. В подтверждение этой мысли приведу материалы из книги О.В. Матвеева, который писал о распространенности на Кубани народных рассказов о том, что до прихода казаков здесь обитали турки, а также приводил сюжет об обещании турка вернуться за своей шапкой, оставленной на кубанских землях. Ссылаясь на русские исторические предания и комментарии к ним В.К. Соколовой, исследователь пишет, что мотив утраченной предводителем шапки символизирует полную победу над ним и последующую потерю головы [14, с. 22]. Для нас, однако, особый интерес представляет обещание турка вернуться на оставленные когда-то земли.

Топонимические предания и легенды с мотивом возвращения древних насельников на прежние места обитания фольклористы записывали и в других регионах России. Они отмечали связь этого мотива с представлениями о наступлении перед концом света «справедливого времени», когда все народы вернуться на «свою землю», к забытым святилищам и богам: «Перед концом света маришцы все поселятся, а русские удалятся» [7, с. 36].

В связи с этим выскажу мысль (нуждающуюся, конечно, в дальнейшем обосновании) о том, что есть основания рассматривать предания о «возвращающихся предках» в контек-

сте широко распространенных у русского и других народов представлений о том, что все умершие периодически возвращаются в мир живых людей для участия в символическом перераспределении общей доли. Такие «возвращения» и последующие «проводы» воплощаются, например, в массе обрядов календарного года (Проводы Масленицы, Фомы, Костромы и пр.). Впрочем, нужно учитывать, что обрядовые «проводы», производимые в значимые точки календарного года, были связаны со «своими» мертвыми, что касается «чужих», то их «возвращение» ожидается в «конце времен» и имеет прямое отношение к народной эсхатологии.

Образы новых «чужих»: «другие» и «иногородние». Далее рассмотрим пласт топонимов и связанных с ними преданий, которые сформировались в более позднее время и известны преимущественно по материалам, относящимся к XIX веку. К этому времени казаки уже давно были представителями военно-служилого сословия России, выполняя воинскую службу и «кормясь с земли». От прежних мужских сообществ и безбрачия они перешли к патриархальной семье и поземельной общине, а земля Войска Донского утратила статус военного пограничья, превратившись во вполне мирную земледельческую территорию. В этих условиях изменялся и характер топонимии. На смену топонимов, связанных с войной и неприятелем, приходят те, что отражали мирный и семейный характер жизни казаков: урочища Фроськины тополя, Родительское, Настасьин бугор и др. Вместе с тем и особенности жизни служилого сословия находили отражение в названиях местных урочищ. Так, места последнего прощания / встречи с уходящими на службу казаками в обряде проводов получали названия: Пьяный курган, Веселая балка, Бабий курган, Служивская гора и пр. Они были известны практически во всех крупных казачьих поселениях.

Запечатлелось в донской топонимии и уважительное отношение казаков к атаманской власти. В ст-це Зотовской мы записали рассказ об Атаманском пруде: «В Алексеевском районе в 2 км от хутора Третий Лог (Лужанка), в верховьях Малого Струбногo байрака есть Атаманский пруд. Называется он

так потому, что запружен был когда-то по приказу зотовского станичного атамана для конского отвода... Пруд делали люди со всех хуторов зотовского юрта. Каждый год после подновления пруда атаман тут же ставил людям водки. После распития ее происходили кулачные драки. Все это было отменено после революции» [15, т. 1, с. 7]. В юрте ст-цы Слащевской, недалеко от хутора Подтелковского, была известна Атаманская долина, названная так оттого, что «раньше, по приказу атамана, на этом месте происходили праздничные скачки» [16, т. 1, с. 9]. Предание, связанное с урочищем в юрте ст-цы Кременской, приводил И. Сулин: «Урочища: курган Орлов (Острый) – высотой в 30 аршин. О нем имеется предание: войсковой атаман Орлов во время проезда по станицам беседовал недалеко от этого кургана (тогда называвшегося Острым) с гражданами этой станицы. Его заинтересовала высота кургана, и он предложил гражданам вбежать на курган, но с условием: по фамилии того назвать курган, кто первый появится на его вершине. Началось состязание, и атаман Орлов опередил всех. С той поры курган и стал называться Орловым» [27]. В XIX же веке (когда казаки окончательно стали истинными «царскими слугами») появляются топонимы, связанные с именами царских особ: ст-цы Петровская, Алексеевская, Аннинская (в честь царя Петра I, царевича Алексея и царицы Анны Иоанновны).

К XIX в. в самосознании донских казаков отражались произошедшие изменения в статусе группы, когда на смену открытому воинскому сообществу, основанному на принципах полиэтничности и синтезе культур, пришла сословная закрытость и сплоченность. Закрепление новой самоидентификации происходило на основе разворачивания антитезы «свои – чужие» (или чаще «свои – не свои») уже в рамках своей группы и своей территории. В этих же рамках осуществлялся и поиск новых «не своих», необходимых для усиления и закрепления собственной локальной идентичности. В новых условиях граница между «своими» и «не своими», как правило, прочерчивалась между поселениями. После окончательного оседания казаков на землю и переходу к земледельческому труду стали обо-

значаться лингвистические и культурные различия между жителями разных казачьих поселений, которые закреплялись в станичных прозвищах и связанных с ними присловьях и частушках-дразнилках.

Традиция коллективных прозвищ была широко распространена и среди крестьянского населения России, на Дону же она получила широкое бытование во второй половине XIX века. Собираем станичных прозвищ и баек еще в XIX в. активно занимался издатель первой частной донской газеты А.А. Карасев [5, с. 176]. Обычно прозвища давались в связи с каким-нибудь событием, произошедшим с жителями той или иной станицы и получившим широкую огласку далеко за ее пределами. Почти всегда в основе прозвища лежал некий анекдот, комическое сочетание явлений. Так, станицу Вешенскую называли «Кобели», Еланскую – «Козлы», Потемкинскую – «Пугачи», Кумылженскую – «Моська», Слащевскую – «Большая Сноха Ивановна» и пр. С каждым прозвищем была связана байка, а сами прозвища со временем вытесняли истинные наименования поселений.

На популярность на Дону станичных кличек и «дразнилок» указывал в свое время А.М. Греков, писавший: «Говорят, казак, при встрече с другим спрашивающий: “Ты коей? (то есть какой станицы)?” – непременно встретит такой же вопрос: “А ты коей?” Это из боязни, что, дав ответ, он сейчас же получит в подарок и кличку, то есть, что вопрошающий не имеет другой цели вопроса, как только чтоб “задразнить”» [5, с. 177]. В приведенной цитате обозначена, между прочим, и еще одна функция станичных прозвищ (помимо закрепления локальной идентичности): они способствовали не только выявлению «не своих», но и определению «слабых» и «сильных». Не случайно прозвища и «частушки-дразнилки» использовались в так называемых «затравках» перед кулачным боем, когда противостоящие силы представляли разные хуторские или станичные сообщества.

Нередко станичные «дразнилки» были связаны с особенностями говоров их обитателей. Так, «щёкающий» говор жителей хуторов Тормосин, Морской и др. (ныне – Чернышковский р-н Волгоградской обл.) нашел отражение в таких дразнилках: «Девщата, девща-

та, купитя лушок пушок»; «Казашок, казашок, пошом лушок? – Пять копеешек пушок» [20].

В сословный период казачьей истории кардинально изменился и образ «чужих». Образ прежних «чужих» – «иноверцев» и «инородцев» (жителей сопредельных с Доном государств) потерял прежнюю актуальность вместе со смещением границ и превращением Донской области во внутреннюю территорию страны. Однако «чужие» были необходимы для консолидации казачьего сообщества, и они были найдены по соседству, а сама разделительная черта из внешней превратилась во внутреннюю. «Чужими» стали так называемые *иногородние* – выходцы из южнороссийских и украинских земель, поселившиеся на донских землях, но не вошедшие в казачье сословие (*мужикі, хамы, хохлы, русакі*). Они были ограничены в правах по многим позициям социально-экономических отношений, но казачество воспринимало приход на Дон иногородних как посягательство на свои сословные привилегии. Отношение к иногородним (не имевшим, в отличие от казаков, обязательств нести военную службу, а занимавшихся ремеслами) имеет аналогии в крестьянских общинах, в которых люди, не связанные с земледелием (кузнецы, мельники, пчеловоды и пр.), обладали особым статусом: с одной стороны, к ним относились настороженно, с другой – наделяли их некими сакральными качествами (особые знания, колдовство и пр.).

В поздней казачьей традиции отношение к иногородним было обусловлено преимущественно экономическими мотивами и отличалось крайне негативной коннотацией. Страницы донской периодики второй половины XIX в. были полны заметок, в которых ясно проступает образ нового врага: «Хохлы-арендаторы – это язва, разъедающая последнее достояние казака – землю!» [24]; «Не дай Бог опять пошлются нам эти эпидемии, эпизоотии и разные Селивантичи (иногородние. – М. Р.), от которых житья нет нам, казакам, даже на своей, добытой кровью отцов, родной земле» [8].

Ситуация возрастающей враждебности казаков по отношению к иногородним отразилась и в планировке казачьих поселений, и в местной топонимике. Для иногородних в станицах и хуторах выделялись особые места, расположенные на краю поселения, не слиш-

ком удобные для проживания. Они назывались *Мужічьими ўлицами* или *Мужічьими конца́ми*. Встречались названия мужичьих концов: *Сибірь, Хохлы*. На этих улицах и концах располагались, помимо жилищ, горшечные и бондарные мастерские, кирпичные заводи, принадлежащие иногородним и дающие им постоянный заработок при отсутствии земельных угодий в казачьих юртах. В экспедиции от старожилы ст-цы Тепикинской я записала рассказ о делении поселения на части, в котором также явно отражено и негативное отношение казаков к иногородним: «Тепикинская делится на две части. Вот у нас балка, мы ее зовем Яргунка, она на две части делит. Возле балки Яргунки жили мужики. Там кто жил? Портной, чеботарь, овчинник, там вообще всяких специальностей, постовал – много их там. Они мало работали. А тут – специальные люди – трудяги, казаки...» [19].

Результаты. Проведенный анализ показал, что значительное количество топонимов, связанных с предшествующим и чужим населением (татарами, калмыками, черкесами), не стертых со временем в памяти казаков, а сохранных и даже обросших новыми легендами и преданиями – свидетельство того, как взаимодействовали и уживались в Диком поле разные культурные традиции, несмотря на экстремальность существования здесь – в зоне постоянной войны. В казачьих топонимических преданиях нашло отражение характерное для воинской традиции уважительное отношение к противнику и восприятие его не только как врага, но и как «соседственного неприятеля», а также такой характер взаимоотношений, который способствовал обмену культурным опытом между казаками и «чужими».

Исследование мифологии антитезы «свои – чужие» показало, что со временем образы иноэтничных предков – первых насельников территории – в донских легендах были заменены образами казачьих атаманов, которые предстают также в качестве хранителей сокровищ (символизирующих «мирскую долю») и должны вернуться «в конце времен», чтобы восстановить нарушенную социальную справедливость в мире. Эти предания отражают, с одной стороны, ситуацию превращения Дикого поля в родную Донскую землю, а с другой – изменившуюся ситуацию на Дону,

когда образ вольного казачьего братства как идеальной социальной модели канул в прошлое. На этом фоне происходила героизация уже «своих» предводителей-атаманов, ассоциируемых в народном сознании с этим социальным идеалом.

В «сословный период» жизни казаков, когда, по мнению многих ученых-казачеведов, происходило превращение донского казачества в этносословную группу, казачество становилось более гомогенным, сплоченным, и в этих условиях уже было позволительно видеть различия внутри группы «своих», определяя их в качестве «других». Сформировавшаяся в это время система станичных прозвищ – яркий пример того, насколько интенсивно шел на Дону процесс внутрестаничной интеграции, включавший в себя два уровня – осознание своего единства и противопоставление себя соседям (извечная антитеза «мы – они»).

Трансформировался со временем и образ «чужих» – от восприятия в качестве таковых соседей – неприятелей до жителей казачьих поселений – иногородних. Низкий статус последних нашел отражение в том числе и в планировке казачьих поселений, где им отводились «непечетные» места.

На всех этапах казачьей истории отраженная в топонимике и топонимических преданиях антитеза «мы – они» работала на поиск и закрепление группой собственной идентичности, связанной в первую очередь с воинским статусом. Показателен в связи с этим отраженный в топонимических преданиях комплиментарный характер взаимоотношений казаков с воинственными неприятелями и непримиримо-враждебный – с соседями-крестьянами (иногородними), не связанными с воинской службой.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН «Население Нижнего Дона в межэтнических и межкультурных коммуникациях: история и современность» (№ проекта АААА-А20-120122990111-9).

The work was carried out within the framework of the implementation of the state task of the UNC RAS (Project No. ААААА20-120122990111-9) “The population of the Lower Don in interethnic and intercultural communications: history and modernity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апраксин В. Следы народов Средневековья // Победа. 1989. № 100. С. 2.
2. Березович Е. Л. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. 2000. № 3. С. 2–5.
3. Брыксина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 292 с.
4. Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 432 с.
5. Греков А. М. Приазовье и Дон. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1912. 208 с.
6. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
7. Давыдова Ю. А. Представления о «чужом народе» в Уржумском районе // Живая старина. 1998. № 4. С. 35–37.
8. Житель. Из хуторских нравов // Казачий вестник. 1885. № 95.
9. Карпун М. А. Представления о «других» в донских диалектных фитонимах // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Памяти В.И. Трубинского. Материалы секций XI Междунар. филол. конф., 14–19 марта 2011 г., С.-Петербург. СПб., 2011. С. 84–90.
10. Кательников Е. Исторические сведения о Верхнекурмоярской станице. Изд. 2-е. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2008. 80 с.
11. Королев В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск : Дончак, 2007. 240 с.
12. Крылов А. Л. О старине Донской области // Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1889. Т. 4. С. 40–41.
13. Лащилин Б. На родных просторах. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1968. 192 с.
14. Матвеев О. В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар: Крайбибколлектор, 2002. 120 с.
15. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ, 1987 // Личный архив Рыбловой М. А.
16. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ. 1989 // Личный архив Рыбловой М. А.
17. Миллер А. «Циво они говорят» // Архив Императорского Русского географического общества. Ф. 12. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.
18. П. Памятники старины // Казачий вестник. 1883. № 2.
19. Полевые записи автора 1997 г. в ст-це Зотовской Алексеевского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

20. Полевые записи автора 1999 г. в хут. Морском Чернышковского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

21. Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Усть-Бузулукская Алексеевского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

22. Проценко Б. Н. Оппозиция «свой» – «чужой» и менталитет донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. С. 211–224.

23. Рыблова М. А. Хранители казачьих кладов: к вопросу о концепции судьбы в русской народной традиции // Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Науч. кн., 2003. С. 111–175.

24. Сулин И. Станица Казанская // Донские областные ведомости. 1882. № 92.

25. Сулин И. Арчадинская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 376–378.

26. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1893. № 17. С. 760–762.

27. Сулин И. Кременская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 6. С. 194.

28. Сулин И. Правоторовская станица // Донские епархиальные ведомости. 1895. № 21. С. 619–620.

29. Сулин И. Скуришенская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 9. С. 338–342.

30. Сулин И. Станица Тишанская // Донские епархиальные ведомости. 1895. № 19. С. 559–564.

31. Фольклор хоперских казаков: материалы краеведа В. А. Апраксина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. 432 с.

32. Часовников В. Донская археология и этнография // Дон. 1887. № 1. С. 24–32.

33. Черницын С. В. «Свои чужаки» в культуре донского казачества (по материалам инкорпорации горцев в 40–50-х гг. XIX в.) // Мир казачества. Вып. 2. Краснодар: Мир Кубани, 2007. С. 130–151.

REFERENCES

1. Apraksin V. Sledy narodov Srednevekovja [Traces of the Peoples of the Middle Ages]. *Pobeda* [Victory], 1989, no. 100, p. 2.

2. Berezovich Y.L. «Chuzhaki» v zerkale folklornoy remotivatsii toponimov [“Strangers” in the Mirror of Folklore Remotivation of Toponyms]. *Zhivaya starina*, 2000, no. 3, pp. 2-5.

3. Bryksina E.V. *Etnokulturnaya idiomatika donskogo kazachestva* [Ethnocultural Idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 292 p.

4. Vlaskina T.Y. *Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov* [Home World at the End of Eras. Essays on the

Traditional Culture of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 432 p.

5. Grekov A.M. *Priazovye i Don* [Azov and Don]. Saint Petersburg, Tip. t-va «Obshchestvennaya polza», 1912. 208 p.

6. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii* [Fundamentals of Intercultural Communication]. Moscow, YUNITI-DANA, 2002. 352 p.

7. Davydova Y.A. Predstavleniya o «chuzhom narode» v Urzhumskom rayone [Representations of the “Foreign People” in the Urzhum Region]. *Zhivaya starina*, 1998, no. 4, pp. 35-37.

8. Zhitel. Iz hutorskih npravov [Resident. From the Farm Manners]. *Kazachij vestnik*, 1885, no. 95.

9. Karpun M.A. Predstavleniya o «drugikh» v donskikh dialektnykh fitonimakh [Ideas About “Others” in Don Dialect Phytonyms]. *Leksikologija. Leksikografija (russko-slavjanskij cikel). Russkaja dialektologija. Pamjati V.I. Trubinskogo. Materialy sekcij XL Mezhdunar. filol. konf., 14–19 marta 2011 g., S.-Peterburg* [Lexicology. Lexicography: Russian and Slavonic Studies. Russian Dialectology. In Memory of V.I. Trubinsky. Proceedings of the Sections of the 40th International Philological Research Conference. March 14–19, 2011. Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 2011, pp. 84-90.

10. Katelnikov E. *Istoricheskie svedenija o Verhnekurmjarskoj stanice* [Historical Information About the Verkhnekurmoyarsk Village]. Volgograd, Izd-vo VGAPK RO, 2008. 80 p.

11. Korolev V.N. *Donskiye kazachyi gorodki* [Don Cossack Towns]. Novocheerkassk, Donchak Publ., 2007. 240 p.

12. Krylov A.L. O starine Donskoj oblasti [About the Antiquity of the Don Region]. *Trudy VI arheologicheskogo syezda v Odesse v 1884 g.* [Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa in 1884]. Odessa, 1889, vol. 4, pp. 40-41.

13. Lashchilin B. *Na rodnykh prostorakh* [In the Native Spaces]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1968. 192 p.

14. Matveyev O.V. *Vragi, soyuzniki, sosedi: etnicheskaya kartina mira v istoricheskikh predstavleniyakh kubanskikh kazakov* [Enemies, Allies, Neighbors: The Ethnic Picture of the World in the Historical Views of the Kuban Cossacks], Krasnodar, Kraybibkolektor Publ., 2002. 120 p.

15. Materialy etnograficheskoy ekspedicii VolGU, 1987 [Proceedings of the Ethnographic Expedition of the Volga. 1987]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].

16. Materialy etnograficheskoy ekspedicii VolGU, 1989 [Proceedings of the Ethnographic Expedition Volga. 1989]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].

17. Miller A. «Civo oni govornj» [“What Ae They Saying”]. *Arhiv Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Archive of the Imperial Russian Geographical Society], f. 12, inv. 1, d. 15, l. 1-2.
18. P. Pamjatniki stariny [Monuments of Antiquity]. *Kazachij vestnik*, 1883, no. 2.
19. Polevye zapisi avtora 1997 g. v st-ce Zotovskoj Alekseevskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Notes of the Author in 1997 in the Village of Zotovskaya, Alekseevsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
20. Polevye zapisi avtora 1999 g. v hut. Morskom Chernyshkovskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Records of the Author in 1999 in the Morskoy Farm, Chernyshkovsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
21. Polevye zapisi avtora 2008 g. v st-ce Ust-Buzulukskaja Alekseevskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Entries of the Author in 2008 in Ust-Buzulukskaya Village, Alekseevsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
22. Protsenko B.N. Opozitsiya «svoe» – «chuzhoj» i mentalitet donskikh kazakov [Opposition “Ours”–“Alien” and the Mentality of the Don Cossacks]. *Istoriya i kultura narodov stepnogo Predkavkazya i Severnogo Kavkaza* [History and Culture of the Peoples of the Steppe Caucasus and the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGK im. S.V. Rakhmaninova, 1999, pp. 211-224.
23. Ryblova M.A. Hraniteli kazachyih kladov: k voprosu o koncepcii sudby v russkoj narodnoj tradicii [Keepers of Cossack Treasures: On the Concept of Fate in the Russian Folk Tradition]. *Sudba. Interpretatsiya kulturnykh kodov* [Fate. Interpreting Cultural Codes]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2003, pp. 111-175.
24. Sulin I. Stanica Kazanskaja [Kazanskaya Village]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1882, no. 92.
25. Sulin I. Archadinskaja stanica [Archadinskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 10, pp. 376-378.
26. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo [A Brief Description of the Villages of the Don Army Region]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1893, no. 17, pp. 760-762.
27. Sulin I. Kremenskaja stanica [Kremenskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 6, p. 194.
28. Sulin I. Pravotorovskaja stanica [Pravotorovskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1895, no. 21, pp. 619-620.
29. Sulin I. Skurishenskaja stanica [Skurishenskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 9, pp. 338-342.
30. Sulin I. Stanica Tishanskaja [Tishanskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1895, no. 19, pp. 559-564.
31. *Folklor hoperskih kazakov: materialy kraevedy V.A. Apraksina* [Folklore of the Khopersk Cossacks. Proceedings of Local Historian]. Moscow, Gosudarstvennyj respublikanskiy centr russkogo folklor, 2012. 432 p.
32. Chasovnikov V. Donskaja arheologija i etnografija [Don Archeology and Ethnography]. *Don*, 1887, no. 1, pp. 24-32.
33. Chernitsyn S.V. «Svoi chuzhaki» v kulture donskogo kazachestva (po materialam inkorporatsii gortsev v 40–50-kh gg. XIX v.) [“Inside Strangers” in the Culture of the Don Cossacks (Based on the Proceedings of the Incorporation of the Highlanders in the 40-50s of the 19th Century)]. *Mir kazachestva. Iyp.* 2 [World of Cossacks. Iss. 2]. Krasnodar, Mir Kubani Publ., 2007, pp. 130-151.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Laboratory of Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>